

Еремкина Е. С. Концепт ПРЕДАТЕЛЬ в национальном сознании носителей русского и китайского языков (по данным ассоциативного эксперимента) / Е. С. Еремкина, Е. Б. Трофимова // Научный диалог. — 2019. — № 5. — С. 60—74. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-5-60-74.

Eremkina, E. S., Trofimova, E. B. (2019). Concept of TRAITOR in National Consciousness of Native Speakers of Russian and Chinese Languages (according to Data of Associative Experiment). *Nauchnyi dialog*, 5: 60-74. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-5-60-74. (In Russ.).

УДК 811.581.1*37:316.62+811.161.1*37:316.62

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-5-60-74

Концепт ПРЕДАТЕЛЬ в национальном сознании носителей русского и китайского языков (по данным ассоциативного эксперимента)

© Еремкина Екатерина Сергеевна (2019), orcid.org/0000-0002-5372-8500, аспирант, ассистент кафедры европейских и восточных языков, ФГБОУ ВО «Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема» (Биробиджан, Россия), rina_jinfafa@mail.ru.

© Трофимова Елена Борисовна (2019), orcid.org/0000-0002-9406-8051, доктор филологических наук, профессор, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В. М. Шукшина (Бийск, Россия), umt2005@rambler.ru.

Представлены результаты двух ассоциативных экспериментов. Русскоязычным респондентам было предъявлено слово-стимул *предатель*, китайским респондентам — слово-стимул 背叛者 (*bèipànzhě* / предатель). В психолингвистическом эксперименте приняли участие 300 испытуемых в возрасте 18—45 лет. Цель исследования — сопоставить способы языковой репрезентации концепта ПРЕДАТЕЛЬ в русской и китайской лингвокультурах. Моделируются ассоциативные поля русского концепта ПРЕДАТЕЛЬ и соответствующего китайского концепта. Интерпретация результатов эксперимента в русскоязычной аудитории показывает, что ядро ассоциативного поля концепта ПРЕДАТЕЛЬ образовано обозначениями ценностей и военной лексикой, а его ближнюю периферию составляют семантические группы «нарушение норм», «историческая память», «религия». На основе данных эксперимента, проведенного с китайскими информантами, было смоделировано ассоциативное поле концепта ПРЕДАТЕЛЬ, к ядру которого относятся ассоциаты, репрезентирующие концептуальные признаки «историческая память» (названия партий, имена политиков, обозначения событий) и «война». Выяснено, что базовый слой концепта, актуального для китайской лингвокультуры, образован понятиями из категорий «антиценности» и «нарушение норм». Сообщается, что ближняя периферия включает в себя ассоциаты семантических групп «чувства и эмоции» и «плохой человек».

Ключевые слова: концепт; предатель; национальная картина мира; языковая картина мира; китайский язык; русский язык; ассоциативный эксперимент.

1. Введение

Языковая концептуализация мира как процесс формирования концептов в последние годы считается центральной проблемой когнитивной лингвистики. Национально-культурный опыт народа интегрируется в закрепленные в языке знания об окружающей действительности [Нерознак, 1998, с. 80—85], формируя картину мира. Элементом картины мира, отражающим специфику национально-культурного опыта народа, связывающим ментальное и языковое, является концепт. По мнению А. В. Свиридовой, концепт — это «открытая многомерная ментальная система, выраженная актуальными в данный момент времени для сознания и мышления периферийными языковыми знаками, объективирующими уровни знаний и способы познания человеком действительности» [Свиридова, 2008, с. 23].

Концепт, будучи лингвокультурной единицей, включает в себе понятие, образ, ценность [Ткачук, 2006, с. 190], демонстрирует определенную значимость для культуры его носителей. Как верно отмечает М. В. Пименова, концепт рассеян в языковых знаках, его объективирующих, в связи с этим полное описание концепта предопределяет исследование как можно большего набора средств, его представляющих [Пименова, 2005, с. 29].

Концептуальный анализ включает в себя следующие методы исследования: лексикографический анализ [Болдырев, 2001], паремиологический анализ единиц, репрезентирующих данный концепт [Савенкова, 2002], дискурсивный анализ [Баранов, 1997], анализ концептуальной метафоры [Lakoff, 1993] и другие.

При описании способов исследования языкового сознания ученые отводят большую роль ассоциациям — связям между некими объектами или явлениями, основанным на личном опыте [Фрумкина, 2003, с. 220]. В силу того, что культурный опыт зачастую коррелирует с личным опытом отдельного человека [Фрумкина, 2003], особую значимость представляет проведение ассоциативного эксперимента с целью выявления национально-культурной специфики языкового сознания определенной нации. В лингвистике ассоциативный эксперимент является важным способом концептуального анализа и определяется как особый проективный метод исследования мотивации личности, суть которого заключается в том, что испытуемый должен отвечать на определенный набор слов-стимулов как

можно быстрее любым пришедшим ему в голову словом [Большой ..., 2003].

Теоретические основы проведения ассоциативного эксперимента представлены в трудах А. А. Леонтьева [Леонтьев, 1971], А. А. Залевской [Залевская, 2001], Р. М. Фрумкиной [Фрумкина, 2003] и других признанных исследователей. Как отмечает Р. М. Фрумкина, согласно общепринятой методике проведения ассоциативного эксперимента, информантам (испытуемым) предлагается некоторый набор слов-стимулов, на которые они должны ответить любыми словами, первыми пришедшими в голову, являя реакцию на представленный стимул [Фрумкина, 2003]. З. Д. Попова и И. А. Стернин в одном из трудов описывают несколько вариантов проведения эксперимента, среди которых (1) свободный ассоциативный эксперимент, (2) направленный ассоциативный эксперимент, (3) цепочечный ассоциативный эксперимент, отличающиеся по количеству запрашиваемых реакций на слово-стимул и наличием ограничений в отношении предполагаемой реакции [Попова и др., 2007]. Анализ результатов ассоциативного эксперимента позволяет обнаружить и сопоставить содержание аналогичных концептов в сознании носителей разных языков, а также путем моделирования ассоциативного поля на основе анализа частотности ассоциатов (ядро, базовый слой, ближняя периферия, дальняя периферия) раскрыть связи, существующие в концептуальной системе языка.

Особый интерес для когнитивной лингвистики и лингвокультурологии представляют аксиологические концепты, демонстрирующие существование и степень важности ценностей в определенной культуре. По нашему мнению, концепт ПРЕДАТЕЛЬ является универсальной культурной доминантой, которой в то же время свойственна национальная специфика. Моделирование ассоциативного поля концепта ПРЕДАТЕЛЬ актуально для описания языковых национальных картин мира Китая и России в сопоставительном аспекте. Уже имеются научные труды, представляющие результаты психолингвистических экспериментов на слова-стимулы 敌人 (*враг*) / *враг* [Хуан, 2015], 责任 / *ответственность* [Чжу, 2016], авторы которых приходят к выводу о связи изучаемых единиц с концептом ПРЕДАТЕЛЬСТВО.

Современные русскоязычные лексикографические источники, в частности ассоциативные словари, фиксируют информацию об ассоциациях на слово *предатель*, однако эти сведения формируются преимущественно на основании употребления данной лексемы в различных литературных контекстах и не включают статистику о частотности ассоциативных

реакций в обыденном сознании носителей языка. Заметим, что ассоциативные исследования, посвященные разным концептам, широко представлены в российской научной литературе, в то же время китайская лингвистика располагает сравнительно малым количеством исследований ассоциативных полей, при этом, как правило, ассоциации являются предметом психологических и социолингвистических исследований [У Ян, 2016]. Целью настоящей работы является проведение ассоциативного эксперимента с русскими и китайскими информантами для сопоставления языковых единиц, входящих в ассоциативные поля русского концепта ПРЕДАТЕЛЬ и китайского концепта 背叛者 (bèipànzhě / предатель), сформированные по результатам свободных ассоциативных экспериментов.

2. Концепт ПРЕДАТЕЛЬ по результатам цепочечного ассоциативного эксперимента

В психолингвистическом эксперименте на слово-стимул *предатель* / 背叛者 (bèipànzhě) приняли участие 300 испытуемых в возрасте 18—45 лет. Участниками эксперимента в России стали студенты различных специальностей Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема, г. Биробиджан (80 человек), специалисты среднего звена — сотрудники КГБУ ОСЭП Хабаровского края, г. Хабаровск (70 человек), далее именуемые «российские информанты», а также граждане КНР, студенты различных специальностей и преподаватели двух учебных заведений Китайской Народной Республики, среди которых учащиеся Тунцзянского политехнического техникума, г. Тунцзян (70 человек) и студенты Хэйлуцзянского Восточного института, г. Харбин (80 человек), далее — «китайские информанты». Для проведения эксперимента были разработаны анкеты, в которых информантам предлагалось реагировать на слово-стимул любой словесной реакцией. Российским информантам было предложено слово-стимул *предатель*, китайским — 背叛者 (bèipànzhě / предатель). Количество реакций — не более 10; время, отведенное на эксперимент, — 4 минуты. Несмотря на то, что число 10 превышает среднестатистический объем краткосрочной памяти человека, который составляет 5—7 единиц [Miller], было принято решение не ограничивать респондентов в случае, если они могут предложить больше реакций. В ходе эксперимента респонденты не испытывали затруднений: среднее время ответа российских респондентов составило 3 минуты, китайские студенты справились с заданием за 4 минуты. Реакции на слова-стимулы *предатель* и 背叛者 (bèipànzhě), полученные в ре-

зультате эксперимента, были классифицированы и объединены в группы по семантическому критерию.

Отметим, что среди русскоязычных информантов не все респонденты дали по 10 реакций, среднее количество реакций — 5—7 единиц. У китайских информантов количество реакций на стимул 背叛者 (*bèipànzhě* / предатель) обычно также не превышало установленную норму, но в некоторых случаях респонденты представили по 8—9 реакций. От трех китайских информантов были зафиксированы отказы. В результате первичной обработки материала представляется возможным предположить, что концепт ПРЕДАТЕЛЬ находится в активной зоне сознания китайского и русского этносов. При анализе данных учитывались все ассоциаты, в том числе и единичные.

На основании анализа частотности ассоциатов определены ядро (его составили реакции, поступившие более чем от 20 % испытуемых), базовый слой (от 10 % до 20 %), ближняя периферия (< 10 %) и дальняя периферия (индивидуальные ассоциаты).

Сопоставительный анализ семантических полей, смоделированных на основании полученных ассоциаций, далее будет графически представлен в форме диаграммы (рис. 1).

3. Концепт ПРЕДАТЕЛЬ в русской языковой картине мира

На слово-стимул *предатель* было получено 736 ассоциативных реакций, из которых — 87 уникальные. Полученные результаты были классифицированы следующим образом.

Ценностная категория включает в себя 224 реакции: ценности отрицательные (антиценности) и положительные. Антиценности репрезентированы 216 единицами. Предательство понимается респондентами как нечто противоположное высоким идеалам. Этот концептуальный признак включает в себя следующие ассоциаты: *ложь, подлость, лицемерие, безответственность, эгоизм, коварство, жадность, агрессивность*, а также аналогичные единицы, называющие лицо, обладающее вышеуказанными признаками: *лжец, лгун, подлец, лицемер, безответственный человек, эгоист, трус*. Некоторые из единиц данной категории были образованы путем префиксации: к словам с семантическим значением моральной ценности прибавлялась отрицательная приставка «не-»: *недруг, неверный*.

Примечательно и наличие лексем с положительными значениями, которые антонимичны значениям, отражающим антиценности, указанные выше: *друг* (4), *доверие* (5) — эти единицы объединены в подгруппу «Об-

щечеловеческие ценности» (всего 9 единиц). Предложена, например, следующая интерпретация: *предатель* ‘человек, который некогда был другом, но нарушил доверие’.

Едва ли не подавляющее большинство реакций, которые были получены в ходе проведения эксперимента с русскими респондентами — 184 реакции — представлены военной лексикой, например, *враг, беглец, дезертир, изменник государства, убивать, казнь, смерть, неверный Родине, шпион*.

Представленные выше семантические группы, а именно «Антиценности» и «Война», составляют ядро концепта ПРЕДАТЕЛЬ.

Предательство, как известно, имеет отношение к эмотивной составляющей жизни человека: литературные источники по психологии объясняют предательство как поведение, мотивированное такими эмоциями и чувствами, как страх, ревность, зависть [Безрукова, 2000], что подтверждается и реакциями, полученными в ходе нашего ассоциативного эксперимента. Категория «чувства, эмоции» включает в себя 93 единицы, среди которых наиболее частыми являются следующие: *боль, разочарование, горечь, стыд, зависть*. К данной категории мы полагаем возможным отнести и фразеологизм «как нож в спину», который интерпретируется в данной ситуации так: ‘человека, не ожидающего подвоха, однажды предали, в связи с чем он испытывает боль’.

Подчеркнем, что эмотивный компонент составляет 12,3 % от общего числа полученных реакций и образует базовый слой концепта.

Еще одним выделенным нами в ходе эксперимента концептуальным признаком является «нарушение норм», который отражается в 71 реакции, при этом в ассоциациях в числе прочих фиксируется нарушение правовых норм и нарушение норм морали.

Нарушение норм морали выявляется в 45 реакциях, которые представлены словами *измена, разрыв, продажный, предал устои, сплетничать*. Помимо отдельных лексем, данная группа включает в себя развернутые описания, такие как «дал слово и не сдержал его», «человек, который не оправдал надежд», «оставил друга в беде», «человек, которого невозможно простить». Дефиниции, предложенные информантами, объединены общим семантическим компонентом ‘нарушить доверие’. Полученные реакции еще раз подтверждают то, что предательство — категория моральная.

Категория «нарушить нормы права» представлена следующими лексемами: *преступление, наказание, вор, халатность, безнаказанность* и др. — всего 26 реакций. Приведенные выше примеры показывают, что

в этом смысле *предатель* ‘человек, нарушивший свой долг перед законом, семьей’.

Интересно, что в ассоциативном материале 57 единиц объединяет семантический компонент ‘историческая память’. Группа включает в себя языковые единицы, отражающие значимые для истории России персоналии: *Пугачев, Сталин, Порошенко* и др.; события: *революция* и др.; политические режимы: *империализм, коммунизм, фашизм* и др., а также государство-противник: *Соединенные Штаты Америки* (2 реакции).

В качестве одного из проявлений предательства расценивается измена религиозным интересам. Русские респонденты предложили реакции, на основании которых можно сделать вывод о значимости духовной, в частности христианской, традиции в жизни россиян. Лексема *предатель* ассоциируется со словами *Иуда, грешник*. Эти единицы нами объединены в категорию «религиозное отступничество», которая также включает в себя следующие слова: *грех, табу, раскол Церкви* и др. — всего 48 реакций.

Еще один выявленный нами семантический компонент, объединяющий ассоциаты, ‘прекращать’ представлен в 31 реакции: *прекратить отношения, конфликт, ссора, забывать; человек, уехавший в другую страну, эмигрант, как человек прекративший постоянное пребывание в прежнем месте жительства, переезд, предать малую Родину* и др. К этой группе ассоциатов мы также относим глаголы *оставить, покинуть, бросить* и др., которые могут иметь отношения как к Родине, так и межличностным отношениям.

Предательству даётся и цветовая характеристика, оно окрашивается в черный цвет в 6 реакциях.

Концепт ПРЕДАТЕЛЬ наделяется в представлениях респондентов признаком «неприятный, плохой человек», который вербализуется стилистически нейтральными языковыми единицами (*негодяй, плохой человек*), неформальной бранной лексикой (*козел*), а также лексикой, особенно распространенной в местах лишения свободы (*стукач*). Всего представлено 17 единиц, из которых 8 являются уникальными.

Единичные реакции представлены 5 лексемами (*деньги* (3), *тайна, золото*), соотношение которых с семантическими группами, выделенными выше, видится нерациональным.

Таким образом, интерпретация результатов эксперимента в русскоязычной аудитории показывает, что ближнюю периферию ассоциативного поля концепта ПРЕДАТЕЛЬ составляют семантические группы «нарушение норм», «историческая память», «религия», а к дальней периферии от-

носятся единицы, обозначающие прекращение взаимоотношений, и лексемы со значением ‘плохой человек’.

4. Концепт 背叛者 (bèipànzhě / предатель) в китайской языковой картине мира

Восприятие концепта 背叛者 (bèipànzhě / предатель) информантами из КНР также представлено единицами разнообразных семантических групп. Всего было получено 754 реакции.

Ассоциаты, данные китайскими информантами, показывают, что в их сознании важную роль играет историческое прошлое. Категория «историческая память» включает в себя 233 реакции и может быть систематизирована следующим образом:

— названия партий: 国民党 *Guómíndǎng* — партия Гоминьдан, Китайская национальная партия (34), запомнившаяся в истории Китая, как политический противник Коммунистической партии, потерпевший поражение в гражданской войне 1927—1950 годов (国共内战 *guógòng nèizhàn*), по окончании которой члены и сторонники партии эмигрировали на территорию Тайваня;

— имена политиков: член партии Гоминьдан 蒋介石 *Jiǎng Jièmin* (Цзян Цземинь), настоящее имя 蒋清廉 *Jiǎng Qīnglián* (Цзян Цинлянь) (39); участник Японо-китайской войны 1937—1945 годов, 汪兆铭 *Wāng Zhàomíng* (Ван Чжаомин), известный под псевдонимом 汪精卫 *Wāng Jīngwèi* — Ван Цзинвэй (15); 顾顺章 *Gùshùnzhang* (Гу Шуньчжан) (18), выдавший секретные данные о более чем трех тысячах коммунистов-подпольщиков, когда попал в плен Гоминьдана;

— государства, в прошлом являвшиеся политическими противниками КНР: страна, неоднократно находящаяся в военных конфликтах с Китаем 日本 *Rìběn* — Япония (42); 日本侵略中国 *Rìběn qīnlüè Zhōngguó* — Япония вторгается в Китай (4); спорная территория 台湾 *Táiwān* — Тайвань (12) — итого 58 реакций.

— события, отражающие историческую память народа, 占领中环 *zhànling zhōnghuán* оккупирование Сентрала (акция в Гонконге в 2014 году); 九一八事变 — Маньчжурский инцидент (3); 台独分 *Táidú yùndòng* — борьба за независимость Тайваня (2).

Анализ собранных данных показывает, что в представлении китайских респондентов предатель — это человек, чьи действия связаны с военными действиями. Информантами было предложено 205 ассоциаций, семантически соотносимых с категорией «война». Наибольшей частотностью отличаются единицы 汉奸 *hànjiān* — изменник (89), 敌人 *dírén* — враг (32),

叛徒 *pàntú* — бунтовщик (30), 叛逆 *pànnì* — мятеж, бунтовать (14), 间谍 *jiàndié* — шпион (13), 倒戈 *dǎogē* — обратить оружие против своих (12), 投降 *tóuxiáng* — капитулировать (7), 失败 *shībài* — проигрывать (6), 背叛者失败 *bèipànzhě shībài* — предатель терпит поражение (2).

Как отмечают информанты, предательство — это нарушение норм (96 реакций):

— политических и правовых: здесь актуальны реакции 出卖祖国 *chūmài Zǔguó* продать Родину (17), 出卖国家 *chūmài guójiā* продать государство (8), 通敌卖国 *tōngdī mǎiguó* ради выгоды «сдать» государство, сотрудничать с врагом в ущерб своему государству — коллаборационизм (6), 叛乱 *pànluàn* — бунтовать (14), 吃里爬外 *chīlǐpáwài* — жить за счет одних, служить другим (4) и др.;

— моральных: 朋友背叛 *péngyǒu bèipàn* — друг предал (4), 背信弃义 *bèixìnqìyì* — нарушить обещание (15), 违背道德 *wéibèi dàodé* — отступить от добродетели (2).

— семейно-ценностных отношений: 违背道德 *wéibèi dàodé* — отступить от добродетели (2), 出轨 *chūguǐ* — супружеская измена, изменять (12), 第三者 *dīsānzhě* — любовник (7).

Большая группа лексем объединена нами в категорию «антиценности» — 111 единиц, среди которых, например, 叛变 *pànbiàn* — предавать (10), 欺骗 *qīpiàn* — лгать (39), 诈骗 *zhàpiàn* — обманывать, мошенничество (7), 忘恩负义 *wàng'ēnfùyì* — отплатить черной неблагодарностью (3), 不忠 *bùzhōng* (27) / 不忠不义 *bùzhōngbùyì* (4) — неискренний, неверный, 多面 *duōmiàn* — лицемерный (3), 喜新厌旧 *xǐxīnyànjiù* — неверный, ветреный (6), 见利忘义 *jiàn lì wàng yì* — завидев деньги, забывает долг — корыстолюбивый (3), 重利轻义 *zhònglì qīng yì* — забывать о благородстве ради денег (2), 暴力 *bàolì* — насилие (4), 懒惰 *lǎnduò* — лень (2), 恶意 *èyì* — зло, злой умысел (1).

Аналогично российским информантам, китайцы дают эмоциональную характеристику явлению предательства (31 реакция): 痛苦 *tòngkǔ* — боль (11), 痛恨 *tònghèn* (8), 伤心 *shāngxīn* — причинять страдания (6), 恶恨 *èhèn* (4) — ненависть, позор, 可耻的行为 *kěchǐdèixíngwéi* — постыдное поведение (2).

Среди многообразия полученных ответов 73 реакции представлены словами с негативной коннотацией, объединенными общим значением плохой человек: 叛变者 *pànbiànzhě* — предатель (18), 贱人 *jiànrén* — негодяй, подлый, никуда не годный человек (11), 小人 *xiǎo rén* — малодушный человек (9), 坏蛋 *huàidàn* — гадкий человек (нецензурная брань, дословно: тухлое яйцо) (8), 小鬼子 *xiǎoguǐzi* — черт (7), 渣男 *zhānán* — неудачник,

похотливый мужчина (нецензурная брань) (7), 婊子 *biǎo zi* — девушка легкого поведения (нецензурная брань) (5), 渣女 *zhānǚ* — распутная девушка (3), 玩弄 *wánòng* — манипулировать, играть (играть на чувствах) (3), 笨蛋 *bèndàn* — дурак (3), 不知羞耻的贱人 *bùzhīxiūchǐdejiànrén* — бессовестный мерзавец (2), 猪狗不如 *zhūgǒubùrú* — человек, не достойный ни свиньи, ни пса (2), 蠢物 *chǔn wù* (2) — тупица (нецензурная брань).

Цветовые ассоциаты (5) представлены следующими единицами: 灰色 *huīsè* — серый (3), 黑暗 *hēi'àn* — мрачный, темный (2).

Анализ данных эксперимента, проведенного с китайскими информантами, позволил смоделировать ассоциативное поле концепта ПРЕДАТЕЛЬ и выявить его концептуальные признаки. Так, к ядру концепта относятся ассоциаты, репрезентирующие концептуальные признаки «историческая память» и «война». Концептуальные признаки «антиценности» и «нарушение норм» формируют базовый слой концепта 背叛者 (*bèipànzhě* / предатель). Ближняя периферия включает в себя ассоциаты семантических групп «чувства и эмоции» и «плохой человек» (последняя группа объединяет языковые единицы с негативной коннотацией). Дальнюю периферию в силу низкой частотности употребления составляют цветовые ассоциаты.

5. Заключение

Ассоциативный эксперимент, проведенный с российскими и китайскими респондентами, подтвердил многогранность концепта ПРЕДАТЕЛЬ. Количество реакций, отражающих среднюю норму извлечения ассоциатов из краткосрочной памяти человека, а также их многообразие свидетельствуют об актуальности концепта ПРЕДАТЕЛЬ / 背叛者 для лингвокультурного сознания как русских, так и китайцев. Сопоставление результатов двух экспериментов обнаружило общность восприятия концепта ПРЕДАТЕЛЬ представителями российской и китайской культур. Так, нами были выявлены 6 семантических групп ассоциатов, общих для россиян и китайцев: антиценности (*обман, подлость, корысть, отказ от ответственности, лицемерие*), военная лексика (*враг, изменник государства, продать Родину*), чувства и эмоции (*боль, ненависть*), нарушение норм (*измена, нарушить обещание*), историческая память (*революция, коммунистическая партия, партия Гоминьдан*), плохой человек (*негодяй, малодушный человек*), цвет (*черный, серый*) — всего 6 семантических групп. Отметим, что распределение вышеуказанных концептуальных признаков в ассоциативных полях китайцев и русских неоднородно, что отражено в представленной ниже диаграмме.

Согласно данным, полученным у российских информантов, наибольшей плотностью реакций характеризуется категория «ценности», включа-

Рис. 1. Количественный анализ результатов ассоциативного эксперимента.

ющая в себя отрицательные ценности — «антиценности» и частично — положительные ценности, которые актуализирует в своей жизни человек, совершая предательство как подлый поступок. В сознании китайских респондентов концепт ПРЕДАТЕЛЬ ассоциируется исключительно с лексемами, имеющими в значении негативную коннотацию, — антиценностями. Эксперимент показал, что аксиологическая важность концепта ПРЕДАТЕЛЬ в русской лингвокультуре значительно выше, нежели в китайской: было предложено 12,6 % против 4,2 % ассоциатов со значением ‘ценности / антиценности’ соответственно.

Семантическая категория «война» представлена как в русской, так и в китайской концептуальной картине мира, количество полученных реакций, а также лексическое наполнение в основном совпадает: и китайские, и русские респонденты предложили в больших количествах следующие реакции: *враг, изменник государства, беглец, шпион* и др.

Особую важность для китайских информантов в восприятии современных явлений имеет историческая память народа. Примечательным является факт милитаризованности и персонификации концепта 背叛者 (предатель) в китайской картине мира. В сознании китайцев предатели — это лица, агитировавшие против существующего сегодня в Китае политического режима, японские оккупанты и те, кто во времена Китайско-японской войны отказался от защиты Родины. Кроме того, были названы государства-противники — Япония и Тайвань. Русские респонденты, хотя

и в значительно меньшем количестве, также предлагают реакции, воплощающие семантическую категорию «историческая память». Русские респонденты назвали персоналии, политические режимы, однако были сдержанными в отношении категории «государство-противник».

Концептуальный признак «плохой человек» был репрезентирован как китайскими, так и русскими информантами. Однако данная категория в китайском языке представлена значительно большим количеством ассоциатов, нежели в русском — 73 реакции против 17.

Представители обеих лингвокультур предложили, хотя и в небольшом количестве, цветовые ассоциаты на слово-стимул *предатель: черный, серый, темный*.

В ходе исследования выявлено, что семантическое поле русского концепта ПРЕДАТЕЛЬ несколько шире китайского. Так, в сознании россиян предательство ассоциируется, помимо прочего, и с отказом от христианских ценностей, в то время как китайские респонденты не обозначили значимость религиозных убеждений. В сознании русских предательство — это преимущественно нарушение норм морали и правовых норм, а в представлении китайцев предательство — преступление против государств..

Перспектива данного исследования видится в выявлении особенностей бинарной оппозиции «патриот — предатель» в китайской и русской языковых картинах мира, чему призваны способствовать и результаты проведенного нами ассоциативного эксперимента.

Литература

1. Баранов А. Н. Политический дискурс : прощание с ритуалом / А. Н. Баранов // Человек. — 1997. — № 6. — С. 108—117.
2. Безрукова В. С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога) / В. С. Безрукова. — Екатеринбург : Деловая книга, 2000. — 937 с.
3. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика : Курс лекций по английской филологии / Н. Н. Болдырев. — Тамбов : Издательство Тамбовского университета. — 2001. — 123 с.
4. Большой психологический словарь [Электронный ресурс] / под ред Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. — Режим доступа : <https://e-libra.ru/read/201537-bolshoy-psihologicheskij-slovar.html>.
5. Залевская А. А. Психолингвистический подход к проблеме концепта / А. А. Залевская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : научное издание / под ред. И. А. Стернина. — Воронеж : ВГУ, 2001. — С. 36—44.
6. Леонтьев А. А. Психологическая структура значения / А. А. Леонтьев // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования : сборник научных трудов. — Москва : Наука, 1971. — С. 7—19.

7. *Нерознак В. П.* От концепта к слову : к проблеме филологического концептуализма / В. П. Нерознак // *Вопрос филологии и методики преподавания иностранных языков.* — Омск : ОмГХ, 1998. — С. 80—85.
8. *Пименова М. В.* Коды культуры и принципы концептуализации мира / М. В. Пименова // *Новая Россия : новые явления в языке и науке о языке : материалы Всероссийской научной конференции 14—16 апреля 2005 г., Екатеринбург.* — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2005. — С. 27—35.
9. *Попова З. Д.* Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Москва : АСТ : Восток-Запад, 2007. — 314 с.
10. *Савенкова Л. Б.* Русская паремология : семантический и лингвокультурологический аспекты / Л. Б. Савенкова. — Ростов-на-Дону : Издательство Ростовского государственного университета, 2002, — 239 с.
11. *Свиридов А. В.* Вербализация концепта знание / познание средствами русской фразеологии в лингвокогнитивном и лингвокультурологическом аспектах (на материале фразеологических единиц с компонентом не) : автореферат диссертации ... доктора филологических наук / А. В. Свиридова. — Челябинск, 2008. — 43 с.
12. *Ткачук А. Н.* Этнокультурная специфика семантики концепта как глобальной единицы национального когнитивного сознания / А. Н. Ткачук // *Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета имени академика М. Ф. Решетнева.* — 2006. — № 4. — С. 187—192.
13. У Ян, 2016 — 吴洋. 社会语言学视角下的词汇联想探究 / 吴洋 // *辽宁师专学报 (社会科学版).* — 锦州 : 中国学术期刊电子出版社, 2016. — 第6期. — 第24—25页. (У Ян. Исследование лексических ассоциаций с точки зрения социолингвистики / У Ян // *Вестник Ляонинского педагогического колледжа (социологическое издание).* — Цзичжоу : Китайское научное электронное издательство, 2016. — № 6. — С. 24—25).
14. *Фрумкина Р. М.* Психолингвистика : Учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Р. М. Фрумкина. — Москва : Издательский центр «Академия», 2003. — 320 с.
15. *Хуан Т.* Экспериментальное сопоставительное исследование образа «*敌人 / враг*» в языковом сознании китайских и русских студентов / Т. Хуан // *Вопросы психолингвистики.* — 2015. — № 1 (23). — С. 238—246.
16. *Чжу Ж.* «*Ответственность / 责任*» в языковом сознании современных китайских учащихся / Ж. Чжу // *Полилингвистическая и транскультурная практика.* — 2016. — № 3. — С. 68—74.
17. *Чжунъи Ся* Китайско-русский словарь / Ся Чжунъи. — Шанхай : Вече, Шаньу иньшугуань, 2008. — 1250 с.
18. *Lakoff G.* The Contemporary Theory of Metaphor / G. Lakoff // *Metaphor and Thought.* — Cambridge : Cambridge University Press, 1993. — Pp. 202—251.
19. *Miller G. A.* The Magical Number Seven, Plus or Minus Two : Some Limits on our Capacity for Processing Information [Electronic resource] / Miller G. A. — Access mode : <http://psychclassics.yorku.ca/Miller/>

Concept of TRAITOR in National Consciousness of Native Speakers of Russian and Chinese Languages (according to Data of Associative Experiment)

© **Ekaterina S. Eremkina (2019)**, orcid.org/0000-0002-5372-8500, PhD student, assistant lecturer, Department of European and Oriental Languages, Sholom Aleichem Amur State University (Birobidzhan, Russia), rina_jinfa@mail.ru.

© **Elena B. Trofimova (2019)**, orcid.org/0000-0002-9406-8051, Doctor of Philology, professor, V. M. Shukshin Altai State University of Humanities and Education (Biysk, Russia), umt2005@rambler.ru.

The results of two associative experiments are presented. Russian-speaking respondents were presented with the word-incentive *predatel'* 'traitor,' Chinese respondents — with the word-incentive 背叛者 (*bèipànzhě* / traitor). The psycholinguistic experiment involved 300 subjects aged 18—45. The aim of the study is to compare the ways of linguistic representation of the concept of TRAITOR in the Russian and Chinese linguistic cultures. The associative fields of the Russian concept of TRAITOR and the corresponding Chinese concept are modelled. The interpretation of the results of the experiment in the Russian-speaking audience shows that the core of the associative field of the concept of TRAITOR is formed by the symbols of values and military vocabulary, and its near periphery consists of semantic groups "violation of norms," "historical memory," "religion." Based on the data of the experiment conducted with Chinese informants, the associative field of the TRAITOR concept was modelled, the core of which includes associates representing the conceptual features of "historical memory" (names of parties, names of politicians, designations of events) and "war." It is found that the basic layer of the concept, relevant to the Chinese linguoculture, is formed by the concepts of "anti-value" and "violation of norms." It is reported that the near periphery includes associations of semantic groups "feelings and emotions" and "a bad person."

Key words: concept; traitor; national worldview; language worldview; Chinese language; Russian language; associative experiment.

References

- Baranov, A. N. (1997). Politicheskii diskurs: proshchaniye s ritualom. *Chelovek*, 6: 108—117. (In Russ.).
- Bezrukova, V. S. (2000). *Osnovy dukhovnoy kultury (entsiklopedicheskiy slovar' pedagog)*. Ekaterinburg: Delovaya kniga. (In Russ.).
- Boldyrev, N. N. (2001). *Kognitivnaya semantika: Kurs lektsiy po angliyskoy filologii*. Tambov: Izdatelstvo Tambovskogo universiteta. (In Russ.).
- Chzhu, Zh. (2016). «Otvetsvennost' / 责任» v yazykovom soznanii sovremennykh kitayskikh uchashchikhsya. *Polilingvialnost' i transkulturnyye praktiki*, 3: 68—74. (In Russ.).
- Chzhuni Sya (2008). *Kitaysko-russkiy slovar'*. Shankhay: Veche, Shanu inshuguan. (In Russ.).
- Frumkina, R. M. (2003). *Psikholingvistika: Uchebnoye posobiye dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy*. Moskva: Izdatelskiy tsentr «Akademiya». (In Russ.).

- Khuan, T. (2015). Eksperimentalnoye sopostavitelnoye issledovaniye obraza «敌人 / vrag» v yazykovom soznanii kitayskikh i russkikh studentov. *Voprosy psikholingvistiki*, 1 (23): 238—246. (In Russ.).
- Lakoff, G. (1993). The Contemporary Theory of Metaphor. In: *Metaphor and Thought*. Cambridge: Cambridge University Press. 202—251.
- Leontyev, A. A. (1971). Psikhologicheskaya struktura znacheniya. In: *Semanticheskaya struktura slova. Psikholingvisticheskiye issledovaniya: sbornik nauchnykh trudov*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Meshcheryakov, B. G., Zinchenko, V. P. (eds.) *Bolshoy psikhologicheskii slovar'*. Available at: <https://e-libra.ru/read/201537-bol-shoy-psihologicheskii-slovar.html>. (In Russ.).
- Miller, G. A. *The Magical Number Seven, Plus or Minus Two: Some Limits on our Capacity for Processing Information*. Available at: <http://psychclassics.yorku.ca/Miller/>.
- Neroznak, V. P. (1998). Ot kontsepta k slovu: k probleme filologicheskogo kontseptualizma. In: *Voprosy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov*. Omsk: OmGKh. 80—85. (In Russ.).
- Pimenova, M. V. (2005). Kody kultury i printsipy kontseptualizatsii mira. In: *Novaya Rossiya: novyye yavleniya v yazyke i nauke o yazyke: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii*, 14—16 aprelya 2005 g. Ekaterinburg. 27—35. (In Russ.).
- Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2007). *Kognitivnaya lingvistika*. Moskva: AST: Vostok-Zapad. (In Russ.).
- Savenkova, L. B. (2002). *Russkaya paremiologiya: semanticheskii i lingvokulturologicheskii aspekty*. Rostov-na-Donu: Izdatelstvo Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russ.).
- Sviridov, A. V. (2008). *Verbalizatsiya kontsepta znaniye / poznaniye sredstvami russkoy frazeologii v lingvokognitivnom i lingvokulturo-logicheskom aspektakh (na materiale frazeologicheskikh yedinit s komponentom ne): avtoreferat dissertatsii ... doktora filologicheskikh nauk*. Chelyabinsk. (In Russ.).
- Tkachuk, A. N. (2006). Etnokulturnaya spetsifika semantiki kontsepta kak globalnoy yedinity natsionalnogo kognitivnogo soznaniya. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo aerokosmicheskogo universiteta imeni akademika M. F. Reshetneva*, 4: 187—192. (In Russ.).
- Yu Yang. (2016). Issledovaniye leksicheskikh assotsiatsiy s tochki zreniya sotsiolingvistiki. *Vestnik Lyaoninskogo pedagogicheskogo kolledzha (sotsiologicheskoye izdaniye)*, 6. Tszichzhou: Kitayskoye nauchnoye elektronnoye izdatelstvo. 24—25. (In Chin.).
- Zalevskaya, A. A. (2001). Psikholingvisticheskiy podkhod k probleme kontsepta. In: Sternin I. A. (ed.) *Metodologicheskkiye problemy kognitivnoy lingvistiki: nauchnoye izdaniye*. Voronezh: VGU. 36—44. (In Russ.).